

УДК 1.7:2-673.5+2.7

**КОНЦЕПЦИЯ «ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКВИ» И. КАНТА КАК СХЕМА
ТОЛЕРАНТИЗАЦИИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
СЛУЖЕНИЕ БОГУ КАК УВАЖЕНИЕ К ДРУГОМУ**

Горохолинская И.В.

В статье автор анализирует философско-религиоведческие аспекты наследия И. Канта: проблему модальности веры и теорию «Всеобщей Церкви». Этикотеология рассматривается не в качестве разновидности атеизма, деизма либо теизма, а как самостоятельная концепция, имеющая не церковно-богословские и не рационалистические, а именно антропологические корни и сотериологический смысл. Обоснован потенциал философско-религиоведческих выводов Канта относительно толерантизации диалога между Церквями и ценностного реформирования деятельности традиционных Церквей.

Ключевые слова: толерантность, историческая вера, чистая вера, моральная вера, статутарные нормы, нравственное законодательство, иллюзия религии, лжеслужение, Всеобщая Церковь.

**KANT'S CONCEPT OF "UNIVERSAL CHURCH" AS A SCHEME
OF INTERFAITH RELATIONS TOLERATION:
SERVICE OF GOD AS RESPECT FOR THE OTHERS**

Horokholinska I.V.

The author analyzes philosophical and religious aspects of Kant's work - the problem of modality of faith and theory of the "Universal Church". Traditional Kant's view of God as deism has been opposed to anthropological and personal study of Him as an alternative view to deism or atheism. The potential of philosophy and religious deduction of Kant concerning toleration of inter-ecclesiastical and inter-secular dialogue, and the potential of actual reformation of traditional churches activity have been proved.

Keywords: tolerance, historical faith, pure faith, moral faith, statutory norms, the moral law, the illusion of religion, not pleasing to worship of God, Universal Church.

С каждым годом религиозная картина мира расширяется, и ее спектр приумножается за счет новых религиозных образований. Нетрадиционные для определенного региона религиозные культы проникают на новые территории, трансформируются, изменяются, адаптируются под образец традиционных религиозных форм, образуя новые религиозные течения и движения. Новые жизненные реалии побуждают определенную часть «паствы» исторических Церквей откалываться от лона своей общины, образуя новые, модернизированные варианты религиозных организаций.

Так нам известны различные направления не только неохристианства, но и необуддизма и других неоориенталистских религиозных течений. Религиозное многообразие увеличивается с каждым годом и часто не бесконфликтно. Религиозные войны все еще не отошли в историческое прошлое и продолжают на разных территориях земного шара. Пусть не всегда это войны с оружием, подчас – это война слов, доктрин и обещаний. Человек нашего времени находится на таком мировоззренческом распутье, на котором легко свернуть на ложный путь и, в поисках душевного и морального убежища в религии, на самом деле оказаться в «духовных» практиках, весьма далеких от подлинно гуманистических и нравственных ценностей. Ведь, часто создавая иллюзию религии, соответствующие организации руководствуются в своей деятельности далеко не воспитательными, просветительскими или дидактическими задачами, а преследуют свои прагматические, и иногда достаточно деструктивные, разрушительные цели.

В этом контексте значительный конструктивный потенциал имеет концепция «Всеобщей Церкви», обоснованная И. Кантом в работе «Религия в пределах одного только разума» [5]. Данная концепция нацелена на создание толерантной и моральной религиозной среды, которая сумела бы объединить в

себе всех верующих людей доброй воли. И неважно, в пределах какой религиозной организации они себя идентифицируют: главное, чтобы ключевой целью деятельности их общины было ориентированное на общечеловеческие ценности нравственное воспитание последователей.

Ознакомление уже с первыми работами Канта свидетельствует, что вопросы веры и религии не оставались в стороне от его основных интересов. Произведения «докритического» периода дают все основания утвердиться в мысли о становлении Иммануила Канта как философа, который преодолевает предрассудки, навеянные образованием, воспитанием, идеологической средой, пропитанными просветительским рационализмом или пиетистским радикализмом. Но оригинальные взгляды относительно веры и религии Кант высказывает все же именно в «критический период».

В разных работах этого периода встречаем большое количество классификаций веры и ее разновидностей: «случайная вера», «прагматическая вера», «доктринальная вера», «негативная вера», «мистическая вера» и другие. Есть смысл дать краткую характеристику названных выше видов веры:

– Случайная вера – это вера без определения конкретной цели, она не может основываться на убеждении;

– Прагматическая вера отражает в своей сути зависимость поступка от акта веры. Она также является случайной, но еще и содержит в себе определенный внешний интерес, что делает ее лишенной внутренне-нравственной детерминанты, нивелирует ее ценность в сфере практического разума, однако может использоваться в сфере применения спекулятивного разума;

– Доктринальная вера есть вера, не оставляющая никакого места сомнениям, а призывающая к «слепому» соблюдению доктрин и догм;

– Негативная вера – это вера людей, у которых нет ни моральных убеждений, ни веры в существование Бога, но лишь сильный страх перед неведомым им будущим;

– Мистическая вера – это вера, свободная от каких бы то ни было логических и рациональных принципов, насквозь пропитанная мистическими учениями и надеждами на потусторонний промысел жизни, реальность совершения «чудес» с помощью действия мистических факторов – заклинаний, заговоров, таинственных ритуалов.

Выделяя обозначенные виды веры, анализируя их основания и побуждения, Кант пытается найти адекватную модель модификации веры, ведь, как он полагает, «есть только одна (истинная) религия, но могут быть различные виды веры» [5, с. 177]. Поэтому, по мнению философа, правильнее утверждать, что тот определенный является представителем той или иной веры, а не то, что он исповедует ту или иную религию. Этот аргумент срабатывает и в случае, если одна из Церквей отделяется от другой, ведь в таком случае мы можем говорить о различиях их веры, при том, что их все же объединяет одна религия (как, например, религия Христианства объединяет людей православной, католической и протестантской веры).

Однако такое многообразие классификации не удовлетворяет Канта, и он, объединив и синтезировав вышеупомянутые разновидности, пытается построить четкую систему классификации. «Таким образом, построение классификации модальностей веры – это попытка найти один, единственно необходимый природный критерий разделения проявлений веры, который охватил бы весь возможный религиозный опыт, проявлял бы его принцип, структуру и функции, т.е. дал понятие веры разума в ее полном объеме. Именно в этом – генетически классификационном ракурсе, прежде всего, нужно рассмотреть модальности веры разума» [7, с. 50-51]. В этом же контексте Кант различает историческую *веру*, которую он еще называет *церковной* или *статутарной*, и «чистую» *религиозную веру*, то есть интеллектуально-ценностную или моральную *веру*. Как пишет А. Гулыга, «итак, выдвинув тезис: знание выше веры, Кант снабжает его антитезисом-оговоркой: это не относится к моральной вере, которую нельзя сопоставлять со знанием, которая реализуется в поведении» [2, с. 130].

Церковная, историческая вера оказывает воздействие в зависимости от условий времени и места ее возвещения. Чистую же веру можно убедительно привить людям доброй воли в любом месте и времени. «Чистая религиозная вера одна только может обосновать всеобщую церковь, ибо только она является верой разума, которую можно убедительно сообщить каждому, между тем как основанная только на фактах историческая вера может расширять свое влияние не далее, чем этого могут достигнуть по обстоятельствам времени и места известия, дающие возможность судить о ее достоверности. И можно лишь упрекнуть слабость, свойственную человеческой природе, в том, что на эту чистую веру никогда нельзя рассчитывать настолько, насколько она того заслуживает, а именно настолько, чтобы лишь на ней и основать церковь» [5, с. 172].

Статутарная церковная вера во многом принудительна, в то время как моральная вера свободна. Историческая (статутарная) вера «мертва сама по себе», то есть в качестве определенного исповедания не представляет самодостаточной моральной ценности (ведь довольно часто ее исповедуют не в силу определенных глубинных моральных убеждений, а только вследствие традиционной, формальной принадлежности к определенной религии). Между тем моральная вера в Бога является «живой верой», так как вытекает из осмысленного ценностного выбора человека. Правда, подобные установки не следует доводить до абсурда. Так, например, известный кантианец А. Введенский, следуя Канту, идет значительно дальше, следующим образом определяя критерии религии: «Вера в Бога и бессмертие являются условием лишь необходимым, но отнюдь не достаточным» [1, с. 175]. Здесь мы видим определенный просчет в методе А. Введенского, что в дальнейшем и не позволит найти ему «золотой середины» и пути к примирению веры и разума, который он пытался найти вслед за Кантом.

Как указывает М. Минаков, Кант говорит о том, что в традиции культур историческая вера имеет определенные «чуждые» для истинного морального состояния субъективного убеждения и глубинной религиозности свойства:

"усвоенность" от предыдущих поколений, всеобщую обязательность и принадлежность к определенной группе. В соответствии с этим, Кант называет четыре типа исторической веры, взятые из опыта Христианской Церкви, но имеющие всеобщее классификационное значение: ортодоксальная (православная), католическая, протестантская, народная.

В *ортодоксальной (православной)* вере ярко прослеживается направленность на "усвоенность" и наследственность церковной традиции. Этот тип веры подчеркивает, что единственно истинной является вера, воспринятая от христианских учителей. Эта вера также включает в себя и все другие возможные характеристики исторической веры, но особое значение в этой разновидности веры имеет именно потребность сохранения учения, передачи его от поколения к поколению с обязательным предостережением и указанием на избранность единоправильности такого способа поклонения Богу. А потому в такой вере предмет веры должен обрести субъективное убеждение не из себя, не из своего собственного ценностного опыта, а извне.

Католическая вера в своей основе содержит основное требование к принятию ее последователями определенного принципа, который можно назвать символом веры. Именно это является основным моментом, на котором делает акцент католицизм, а потому он также влияет на субъективный характер убеждения.

В противовес католической, *протестантская* вера выступает против всеобщей направленности, но в то же время она устанавливает требование не субъективного, а группового исповедания.

Тип веры, определяющий, по Канту, некоторые догматы в пределах отдельной стабильной исторической группы, объединенной на внерелигиозных началах, можно назвать «народной верой», ведь это – и древнейший групповой тип веры. Здесь Кант называет несколько древних, а также и современных ему типов верований, таких как – язычество, иудаизм, ислам, индуизм и т.д., где впервые были провозглашены определенные моральные принципы человеческого разума в виде «откровений». Именно с них началась история

Церквей как исторических форм выражения морально-религиозных принципов человеческого разума.

Статутарные религиозные законы (догматы), как указывает Кант, могут сохранять свое значение лишь как дань культурной традиции, но сами по себе (как «откровение») они необязательны. Настоящая же основа всякой истинной религиозности – моральное законодательство. Вот почему, подчеркивает мыслитель, «истинное почитание Бога», имеющее значение для каждого человека, должно основываться только на моральных законах. Если статутарные религиозные законы (т.е. определенная конкретная догматика и культ) подходят или могут подходить не каждому человеку, то истинная нравственность должна быть присуща каждому человеку как свободной личности; вне нравственности нет человеческого достоинства. «...Моральное законодательство, через которое воля Божья первоначально запечатлена в нашем сердце, является не только необходимым условием всякой истинной религии вообще. Оно есть также то, что, собственно, и создает религию, а статутарные законы могут заключать в себе лишь средство для ее поощрения и распространения» [5, с. 119]. Моральная вера, следовательно, универсальнее, чем вера историческая (статутарная) и позволяет также лицам, которые традиционно принадлежат к разным вероисповеданиям, по существу, быть носителями единой духовности – религии в широком философском смысле этого слова. И наоборот, люди, которые формально принадлежат к определенной конфессии, но аморальны, на самом деле безрелигиозны. «Но если вы не позаботитесь заранее, чтобы сделать человека хотя бы немного добрее, то вы никогда не сделаете из него искренне верующего человека» [4, с. 431].

Так же и богослужение само по себе не несет, по Канту, подлинного религиозного смысла, ведь здесь имеет значение не столько внутренняя моральная ценность поступков, сколько внешнее осуществление их для Бога и, следовательно, угодничество ему, в котором он, как существо абсолютное, вовсе не нуждается.

Наши рассуждения подтверждает тезис А. Мясникова: «Кто хочет подчиняться воле Бога только из-за её всемогущества, тот может делать добро не потому, что хочет добра, значит, не бескорыстно, а имея в виду или надежду на личное блаженство, даруемое свыше, или страх перед возможным наказанием, т. е. некоторое материальное следствие. В этом случае мы имеем дело с условным императивом поведения человека, который имеет своим объектом надежду на блаженство или страх перед наказанием. Такой императив всегда будет зависеть от внешнего условия, а именно от всемогущества Бога, без которого человек не будет уверен в своих силах и собственной правоте» [8, с. 8].

Но может ли служение через чувство страха, или надежды на «исполнение просьбы» быть приятным Богу, таковым, какое Бог, как существо высоконравственное, ждет от нас? Конечно же, нет. Часто человек, который не осмысливает своих религиозных побуждений, а совершает служение Богу исключительно «по потребности», действует именно по такой схеме: я делаю добро другому – Бог дарует добро мне. «Считать эту статутарную веру (которая во всяком случае ограничивается одним народом и не может заключать в себе всеобщей мировой религии) существенной для служения Богу вообще и делать ее высшим условием божественного благоволения к человеку – это иллюзия религии (*Religionswahn*), следование которой представляет собой лжеслужение, т.е. мнимое богопочитание, прямо противодействующее тому истинному служению, какого Бог от нас требует» [5, с. 240].

Лучшим способом «богослужения» может быть только добродетельное поведение, добродетельное отношении к другим людям. «Прежде всего, я принимаю как правило следующее, ни в каких доказательствах не нуждающееся, положение: все, что человек сверх доброго образа жизни предполагает возможным сделать, чтобы стать угодным Богу, есть лишь иллюзия религии и лжеслужение Богу» [5, с. 243].

Кант осуждает позицию Церкви в отношении тех людей, которых она относит к числу неисправимых грешников и «отвергает из своего лоно» за то,

что они пытаются разобраться в религиозных нормах и догматах средствами разума, ищут обоснований религиозных феноменов и обдумывают определенные закономерности в религиозной среде. Ему неприемлем подход «слепой веры» и беспрекословного восприятия всего, что предлагает Церковь своим сторонникам как истину в последней инстанции, ведь: «...кто же будет тогда неверующим? Тот, кто верует, не ведая, как совершается то, на что он надеется, или тот, кто хочет досконально познать этот способ избавления человека от зла и в противном случае отказывается от всякой надежды на избавление? ... знать эту тайну ему нужно лишь затем, чтобы (пусть это и происходит только внутренним образом) иметь возможность создать себе из веры, признания, исповедания и восхваления всего, что дает откровение, тот вид богослужения, который способен доставить ему милость неба без всякой траты его собственных сил на добрый образ жизни, стало быть, совсем даром, а благой образ жизни произвести каким-то сверхъестественным способом или, если совершается что-либо противное долгу, по крайней мере, возместить это нарушение» [5, с. 244-245].

То есть, только познав и осознав истинный путь спасения через добропорядочное поведение и благородный образ жизни, человек сможет стать угодным Богу, а значит правильно служить ему. Ведь в этом и есть суть «богослужения» – в служении Богу, а не в осуществлении неосознанных, а порой и вообще лишних действий и поступков. Из этого отнюдь не следует, что Кант, говоря о вопросах религии, исключает важность веры и поклонения Богу, как утверждают некоторые теологи и богословы, он только указывает на то, что является лишним в реальной практике современных ему религиозных общин.

Кант и не исключает важности самой церковной организации, а лишь указывает на необходимость ее преобразований, понимая, что осуществить такую реформу Церкви невозможно сразу: «церковная вера, наряду со статутарными догматами, без которых она до сих пор не может полностью обойтись, должна вместе с тем заключать в себе принцип – вводить религию

доброто образа жизни как настоящую цель, чтобы когда-нибудь потом иметь возможность обойтись и без первых» [5, с. 248].

Церковь, которая будет лелеять у паствы желание моральной и добродетельной жизни, а не выполнение обрядов и традиций – вот Кантов идеал церковной организации. «Итак, тот, кто предпосылает (в качестве необходимого для религии) соблюдение статутарных, нуждающихся в откровении законов, и притом не только как средство обрести моральный образ мыслей, но и как объективное условие превращения в непосредственно угодного Богу человека, и предпочитает эту историческую веру стремлению к доброму образу жизни (вместо того, чтобы первую, как нечто лишь условным образом угодное Богу, сообразовать с последним как угодным ему во всяком случае), – тот превращает служение Богу в сотворение фетишей и занимается лжеслужением, которое отодвигает назад всякую подготовку истинной религии» [5, с. 252].

Поэтому суть кантовской философии религии можно охарактеризовать следующей формулой высказанной В. Звенигородским: «Богу угодна нравственная самостоятельность людей, и только она одна; Ему противно любое проявление малодушия, униженности и подбострастия; соответственно – на самом деле верит лишь тот, кто не имеет страха перед Богом, никогда не теряет перед ним своих добродетелей и не перекладывает на Него собственные моральные решения» [3, с. 110].

Не обошел Кант своим вниманием и вопросы церковной структуры, иерархии вообще и проблему священства и духовенства в частности. Кант весьма негативно относится к той ситуации в рядах священнослужителей, которая сложилась в современной ему Церкви. Он не отрицает необходимость определенной когорты людей, которые обладали бы глубокими знаниями о религии, а также всем своим жизненным путем утверждали бы идеалы добропорядочного поведения и помогали другим стать на этот путь. Однако именно таких людей среди священнослужителей – довольно мало. Кант называет основную часть церковнослужителей – «поповством», отмечая при

этом: «Это название, обозначающее авторитет духовного отца (*папа*), приобретает оттенок порицания только в побочном понятии о духовном деспотизме, который можно встретить во всех церковных формах, сколь бы непритязательными и популярными они ни казались... Все они заслуживают равного уважения, поскольку их формы – только попытки несчастных смертных осуществить чувственным образом царство Божье на земле. Все они заслуживают и равного порицания, если форму воплощения этой идеи (в видимой Церкви) принимают за суть дела» [5, с. 249].

Классу «поповства» Кант противопоставляет тех священнослужителей, которые в своем служении Богу наставляют людей на путь морально должного поведения, добродетельного, благородного и достойного образа жизни. Именно такие священнослужители и образуют всеобщую церковь, которая бы объединяла людей всего мира: «Лишь те, кто думает найти истинное служение в умонастроении благого образа жизни, отличаются от упомянутых выше людей, поскольку переходят к совершенно иному, более возвышенному, чем первый, принципу. В последнем его приверженцы познают себя членами (невидимой) Церкви, которая объединяет всех благомыслящих и которая по своему существенному свойству одна только и может быть истинно всеобщей» [5, с. 249-250].

По мнению Канта, полной бессмыслицей является мнение о том, будто Бог требует от нас каких либо лишних движений или заклинаний, вроде тех, которые произносили когда-то шаманы или колдуны. А именно им уподобляются некоторые священнослужители, которые, манипулируя своей «паствой», насаждают ей мысль о том, что без выполнения определенных обрядовых действий, песнопений и произнесения заклинаний невозможным будет их спасение. Но, как указывает Кант, «если же они мыслят Его [Бога – *И. Г.*] как существо моральное, то с помощью своего собственного разума легко убеждаются в том, что условием приобретения его благоволения должен быть только их морально благой образ жизни и главным образом чистый образ мыслей как субъективный принцип последнего» [5, с. 250].

Конечно, Кант указывает, что говорить о полном отказе от богослужебной практики не стоит, ведь, наверное, кроме нравственного поведения, Богу иногда нужны действия, которые выдавали бы ему наше повиновение, но их должно быть минимум, и они должны быть неотрывно соединены с основным принципом служения Богу – осознанием морального выбора на собственном жизненном пути. Иначе богослужение превращается в слепую фетишизацию.

Итак, Кант, критикуя касту церковнослужителей, основной проблемой дискредитации этого сословия называет забвение истинной цели служения Богу и полную ориентацию на выполнение обрядов, которые за внешней пышностью и торжественностью не несут никакой внутренней ценности, а наоборот, отвлекают верующего человека от основного принципа прославления Бога как морального существа – нравственностью своей жизни. А потому, как утверждают исследователи: «Революция в моральном образе мышления неизбежно ведёт к переходу от статуарной религии к моральной, имеющей надёжное основание в чистом практическом разуме. Статуарная религия является той же самой «богоуслужливой» религией, которая изначально делает человека несвободным существом, не имеющим собственного достоинства и не способным к самостоятельному принятию решений. Иисус Христос предстаёт в кантовском мышлении как учитель, открывший всему человечеству подлинно моральную религию и разоблачивший многие формы лжеслужения Богу» [8, с. 10].

Именно в этом контексте стоит упомянуть об определенной когорте ученых, характеризующих кантовское мировоззрение как атеистическое: «В своей философии религии Кант использует Библию также для популяризации собственных этических взглядов, находит в ней такие фрагменты, которые могут быть интерпретированы в качестве указаний на тождественность религии и морали. Кант демонстрирует своим читателям, что библейские тексты можно истолковывать и в том смысле, что в нас изначально присутствуют задатки морального поведения, другими словами, что нам, как существам, обладающим

практическим разумом, присущ тот нравственный дух, что продемонстрировал Христос, и человечество обладает достаточным потенциалом, чтобы в своем историческом развитии постепенно приближаться к нравственному идеалу. Такая трактовка образа Христа и понятия «Бог» в целом как морального символа, который может воплотиться в реальность благодаря деятельности человечества, ориентированной на практический разум, свидетельствует, что взгляды Канта весьма близки к атеизму» [6, с. 17].

Но, в противовес такому толкованию кантовской позиции, примем во внимание, что именно в христианской религии заложена идея богоподобия и приближения каждой личности к божественному идеалу. Так можно ли предъявлять взглядам Канта атеизм, когда он утверждал, что человеку, который называет себя верующим, нужно стараться теснейшим образом приблизиться к этому идеалу? Думаем, что нет. Кант лишь пытался показать, что исключительно путем сохранения чистой моральной веры мы сможем продлить жизнь также и традиционных исторических религий, потому что «вместе с тем морально-верующий открыт и для исторической веры, поскольку он находит ее полезной для оживления своего чистого религиозного образа мыслей» [5, с. 256]. Как указывает А. Мясников, «философ видит в учении Христа "чистую моральную религию", претендующую на всеобщее человеческое значение, так как она содержит в себе «всеобщую религию разума», доступную и понятную каждому разумному человеку» [8, с. 10].

Именно такие рассуждения Канта чрезвычайно актуальны и сейчас для традиционных религий, которые находятся в определенном упадке. Новые условия общественной, культурной и политической жизни требуют модернизации застывших в своих традициях и обрядах исторически традиционных религиозных систем. Поэтому таким актуальным является сбалансированное сочетание обрядовой практики с усилением морально-воспитательной и социально значимой направленности в деятельности церквей, которая провозглашалась бы не только с трибун и кафедр, а реализовалась бы в реальной практике, на реальных примерах жизни Церкви и, в первую очередь,

жизни священнослужителей. Это стало бы действенным шагом на пути возвращения значительной части общества к религиозным институтам в частности и вере вообще (ведь именно в этом видят приоритет своей деятельности современные религиозные организации). Ибо, как пишет М. Минаков, «чистая религиозная вера четко устанавливает ориентацию на нравственное законодательство разума и принципиально делает возможными религию и Церковь, то есть выступает как их априори» [7, с. 66].

Концепция «Всеобщей Церкви» дает установку на добродетельную жизнь как единственный истинный способ служения Богу, а такое позиционирование его благой воли способно преодолевать барьеры взаимных предрассудков в отношениях альтернативных религиозных систем или типов мировоззренческого самоопределения. Конечно, такое объединение не обязательно должно существовать юридически, по форме, но главное, чтобы человечество смогло конституировать его по содержанию – в коммуникационно-ценностном плане.

Для того чтобы возможным было воплощение данной идеи в жизнь, Кант прежде призывает человечество отказаться от «иллюзии религии». Анализ мировоззренческих форм, приводящих к иллюзорной религиозности, Кант начинает еще в «Критике чистого разума» и других трудах «критического периода». Как справедливо отмечает М. Минаков, «критика чистого разума» лишь очерчивает проблематику веры в пределах чистого разума и, вводя понятие чистой практической нравственной веры, дает общее направление философского исследования веры. Конкретный ответ на вопрос мы находим только на страницах двух последних «Критик», и только в «Религии в пределах одного только разума» сочетаются опыт исторической церковной веры и чистого понятия веры разума» [7, с. 50]. Именно здесь Кант раскрывает суть «иллюзорной религиозности» или «иллюзий религии» – таковых он выделяет несколько: иллюзия добропорядочности, иллюзия религиозного суеверия, иллюзия самообольщения. Эти иллюзии возникают, по мнению Канта, когда человек не обращается к чистой, нравственной вере, которая бы коренилась в

глубинах его души, а исключительно к обрядовым действиям и культам, в которых он ищет спасения и успокоения. Проанализируем каждый из видов «иллюзии религии» подробнее:

– Иллюзия добродетели возникает тогда, когда в рамках религиозного опыта человек забывает о глубинной "укорененности" подлинной нравственности в автономной доброй воле, начинает вести добродетельный образ жизни не ради добра как высшей ценности, а ради получения благосклонности Бога. Образ такого человека не может соответствовать образу добродетели, а только ее иллюзии, ведь «религиозные верования, нацеленные на "снискание благосклонности" всемогущего творца, обнаруживают прагматически расчётливую установку человеческого мышления, которая основана на неспособности выдержать собственную свободу, на малодушии и самоуничижении» [8, с. 9];

– Иллюзия религиозного суеверия присуща тем людям, которые отдают предпочтение внешним атрибутам религиозности, а не внутренним. Вот как об этом говорит сам Кант: «Желание стать угодным Богу, совершая то, что может сделать каждый человек и не будучи добрым человеком (например, исповедание статутарных догматов, соблюдение церковной обрядности и дисциплины и т. д.), – именуется суеверной иллюзией. Подобное название она носит потому, что избирает только естественные (не моральные) средства, которые сами по себе совершенно бездейственны в области неприродной (т. е. в области нравственного добра)» [5, с. 247-248];

– Иллюзия самообольщения – ее Кант называет еще моральной смертью разума, заключается в том, что человек, который в своей вере не ориентируется на нравственное достоинство, а только на достижение кажущейся добропорядочности и соблюдения внешних предписаний религии, может создать в своем сознании иллюзию общения с Богом и залога собственного спасения и блаженной загробной жизни за счет такого «общения».

Избавиться от этих иллюзий человек может только путем сохранения в себе истинной верности моральному самосовершенствованию и нравственному

росту, приближению к идеалам чистой моральной веры. «И если человек будет делать "всё, что в его силах, чтобы стать лучше", только тогда он может надеяться на божественное содействие. Если по своей свободной воле он избирает путь следования добру или нравственному закону, то в этом случае он утверждает собственную моральную свободу и бескорыстно верит в морального творца мира и справедливого судью» [8, с. 9].

Конечно, существование типа чистой веры самого по себе не является также совершенным, поэтому Кант предлагает объединить два типа веры: на основе исторической веры, очищенной от иллюзорных форм, и сохранения чистой веры в душах каждого верующего, создать одну «Всеобщую Церковь», которая объединяла бы всех людей доброй воли, верующих в Бога и своей благочестивой жизнью постоянно подтверждающих это.

Для этого, по Канту, нужно:

1. Твердо выбрать для себя нравственность и добродетель как единственно верный образ жизни и постоянно пробуждать в душе соответствующий этому образ мыслей (частная молитва).

2. Внешнее распространение морального образа жизни через публичные выступления и личный пример.

3. Распространение его на грядущие поколения путем принятия их в общество и наставлений в добродетели.

4. Поддержание такого союза с помощью регулярно обновляемой публичной формальности, которая делает устойчивым объединение всех членов в этическом теле такой Церкви [См.: 5, с. 268].

Основой такой новой религии, которая бы объединила в своих рядах всех людей доброй воли, должен быть приоритет моральных убеждений над соблюдением внешних законов и обязанностей, а в случае совершения несправедливого поступка, по Канту, вину искупать следует непосредственно перед пострадавшим в результате таких действий, а не посредством богослужебных обрядов. Следуя Христу, Кант призывает изменить чувства жажды мести – на терпимость, а ненависть к врагам – на добродетельность.

Нравственный образ мысли в такой религии должен всячески подтверждаться делами (что также указывает на принципиальную христианскую направленность кантовского учения о Всеобщей Церкви). Кант требует от каждого мыслящего человека не просто послушной веры в божественные заповеди, а понимания своего высокого разумного назначения в служении Богу или нравственному долгу.

Проведенный анализ дает основания утверждать, что концепция всеобщей церкви И.Канта является весьма актуальной и обладает потенциалом толерантизации религиозных отношений. Ведь в качестве основной в жизнедеятельности она выдвигает идею, которая может и должна объединять всех людей, согласующих свою жизнь с практической ценностью следования идеалам Божьей воли. Это – идея нравственного образа жизни как служения Богу и уважения к другому как осуществления такого служения.

Истинная вера – есть вера в существование Божественной сущности, которая в первую очередь является моральным существом, и служение этому существу должно совершаться, прежде всего, путем добродетельного поведения. Под такую характеристику подпадает гуманистический ценностный ресурс большинства культурно-созидательных религий. А, следовательно, можно утверждать, что, придерживаясь на практике этических идеалов каждой из таких религий и при этом, обладая иммунитетом против провозглашения ее «эксклюзивной», человек незримо оказывается сопричастным созиданию всеобщей духовной общности. И чем скорее человечество будет готово осознать себя такой общностью (в категориях Канта – «Всеобщей Церковью»), несмотря на разнообразие исторических вероисповедных комплексов (христианство, ислам буддизм и т.д.), тем результативнее вызовы нетолерантности, нетерпимости и религиозной вражды будут сняты с повестки дня цивилизации.

Список литературы:

1. Введенский А.И. Философские очерки. Выпуск I. / А.И. Введенский. – СПб.: Тип. «В.С. Балашев и Ко», 1901. – 223 с.
2. Гулига А.В. Кант 2-е изд. / А.В. Гулига. – М.: Мол. гвардия, 1981. – 303 с.
3. Звенигородський В. Наука, віра та моральність у філософії Канта / В. Звенигородський // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. Філософія. – Чернівці: Рута, 2005. – Вип. 264-265. – С. 107-112.
4. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – Симферополь: Реноме, 1998. – 464 с.
5. Кант И. Религия в пределах только разума / И. Кант // Трактаты и письма / [Ред. кол.: Б.М. Кедров, В.М. Богуславский, А.В. Гулыга и др.]; пер. с нем.: Н. Вальденберг, Т. Васильева, А. Гулыга и др. – М.: Наука, 1980. – С. 78-278.
6. Луговой С.В. Интерпретация Библии в практической философии И. Канта: Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филос. наук: спец. 09.00.03 «История философии» / С.В. Луговой; РГУ им. И. Канта – Калининград, 2007. – 20 с.
7. Мінаков М. Вчення Канта про віру розуму / М. Мінаков – К.: Центр практичної філософії, 2001. – 140 с.
8. Мясников А.Г. Кант и революция в религии / А.Г. Мясников // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – Пенза: ПГП им. В.Г. Белинского, 2007, – № 8. – С. 7-11.

Сведения об авторе:

Горохолинская Ирина Владимировна – кандидат философских наук, ассистент кафедры культурологии, религиоведения и теологии Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича (Черновцы, Украина).

Data about the author:

Horokholinska Iryna Volodymyrivna – Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of Cultural, Religious Studies and Theology Department, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Chernivtsi, Ukraine).

E-mail: i.horokholinska@chnu.edu.ua.